

Дворик на берегу озера Цю окутала тишина глубокой ночи, в которой были слышны лишь стрекот цикад и шуршание листвы на деревьях.

Ло Минчуань распахнул окно, впуская внутрь ночной ветерок. Холод, коснувшийся его лица, очистил его разум.

За окном, которое выходило прямо на озеро Цю, парил белый туман. Яркий лунный свет озарял все на тысячу миль.

Ло Минчуаню не понравилось, что днем он почти потерял над собой контроль, поэтому сейчас он пытался привести в порядок свои мысли и чувства.

В подземной тюрьме он узнал, что в прошлом напился и навредил своему младшему брату-ученику, из-за чего тот сбился с истинного пути. По этой причине он чувствовал себя виноватым. С самого начала он спустился с горы вместе со своим младшим братом-учеником, потому что хотел возместить ему нанесенный ущерб и все исправить.

Но во время этого путешествия, когда все началось меняться?

Ему было неизвестно, почему его младший брат-ученик решил обменяться с ним письмами на морском побережье. Но у него интуитивно возникло необъяснимое чувство, что тот пытался его защитить. Когда они пили вино под полной луной, его младший брат-ученик прислонился к его груди и сказал, что хочет мирно прожить свою жизнь. В то время Ло Минчуань все еще не мог понять свое собственное сердце.

Вплоть до сегодняшнего дня.

Пока младший брат-ученик сам не признался в том, что у него уже есть человек, который ему нравится.

Порыв ночного ветерка развеял густой туман перед его глазами.

Ло Минчуань занимался культивацией уже больше десяти лет и никогда не боялся заглянуть в свое сердце.

Он подумал, что ему тоже нравится его младший брат-ученик.

Но что насчет младшего брата-ученика?

Он был еще слишком юн, поэтому его мысли тоже были чисты и невинны. Разве он может различить чувства, испытываемые к старшему брату-ученику и чувства к партнеру по Дао?

Ло Минчуань наблюдал за волнами, поднявшимися на поверхности озера.

Это неважно. Он может подождать.

От академии Ланьюань до горы Цанъя, от того момента, как его младшему брату-ученику исполнилось тринадцать лет, и до его нынешних двадцати трех, в будущем он постоянно будет присутствовать в жизни своего младшего брата-ученика.

Довольно быстро успокоив свой разум, Ло Минчуань принялся отрабатывать технику Духовного зрачка Цзялань.

Инь Биюэ пытался медитировать, но ему никак не удавалось достичь мира и покоя в душе.

Поэтому он просто встал с циновки, сел за столом, зажег лампу и начал полировать свой меч.

В последнее время ему все больше казалось, что полировка меча — дело очень полезное, как для тела, так и для разума. Монотонный процесс позволял быстро успокоиться.

Свет лампы падал на трехфутовый клинок, в котором отражались черты его лица.

Барышня Цюй была очень хороша. У нее не было недостатков ни в семейном происхождении, ни во внешности. К тому же, она обладала талантом к культивации.

Но в таком случае, почему его первым же порывом было отказать ей? Разве ему не следовало этому радоваться?

"В моей душе лишь великий Дао и любовь к миру, как я могу позволить сковать себя?"

Нет, такое объяснение скорее подошло бы его первому брату-ученику или, возможно, так мог бы сказать его наставник.

Сам он явно не настолько честолюбив, чтобы стремиться достичь вершин в одиночестве.

То, что сейчас во всем мире сложилась нестабильная ситуация — это едва ли можно назвать причиной.

Что-то еще?

Инь Биюэ попытался вспомнить, что у него тогда было на душе, и, к своему удивлению, обнаружил, что первым делом он испугался неправильного истолкования со стороны Ло Минчуаня.

Он сам не понимал, что произошло. Это был страх наподобие того, когда о первой любви узнает глава семьи?

Нет, не совсем.

Наверное, он слишком долго прожил в образе мелкого злодея, поэтому ему не выпадало случая подружиться с девушкой. Теперь же, когда перед ним внезапно появилась красавица уровня богини, он с непривычки растерялся.

Должно быть, так и есть... наверно.

Свет лампы потух. Меч уже был отполирован до блеска. Его душа тоже обрела безмятежность.

В любом случае, у него сейчас есть более важные дела, которые требуют его внимания.

Завтра должны были огласить результаты жеребьевки четвертого тура фестиваля "Срывания цветка".

В этот раз им троим не требовалось тянуть жребий. Достаточно было подождать, пока другие люди вытянут их имена.

Ранним утром Дуань Чунсюань сам вызвался отправиться к стене Чэнь Ин, чтобы узнать результаты жеребьевки. Когда он вернулся, у него был блуждающий взгляд и совершенно потерянный вид.

Инь Биюэ немного встревожился.

— Кто будет твоим противником?

— Буддийский культиватор Хуэй Дэ из храма Синшань.

— Каковы твои шансы на победу?

— Семь из десяти. Но на этот раз это не семь из десяти, что он побьет меня. Это вероятность того, что я одержу над ним верх.

Инь Биюэ был озадачен.

— Это неплохо... тогда кто достался старшему брату-ученику Ло?

— Фэн Вэньцзинь из секты меча Цинлу.

Инь Биюэ взглянул на Ло Минчуаня и подумал, что тут не о чем беспокоиться.

После этого блуждающий взгляд Трещотки наконец-то остановился на Инь Биюэ. На его лице появилось странное выражение, нечто среднее между радостью и печалью.

— Четвертый брат-ученик, твой номер вытянул Чжун Шань.

Все трое одновременно умолкли.

Спустя некоторое время Инь Биюэ произнес:

— В любом случае... этот бой когда-нибудь состоялся бы.

Но он не ожидал, что это произойдет так быстро. Ему казалось, что он будет сражаться с Чжун Шанем, по крайней мере, после пятого тура.

— Четвертый брат-ученик, каковы сейчас твои шансы на победу?

— Четыре из десяти.

Трещотка горестно вздохнул.

— Надо же, они точно совпадают со ставками в игорном доме.

Инь Биюэ пораженно уставился на него.

— Ты поставил деньги на мою победу?

— Конечно! — воскликнул Трещотка.

— ...Это моя вина. Я забыл сказать тебе, чтобы ставил на Чжун Шаня.

Честно говоря, понаблюдав за предыдущими боями Чжун Шаня, Инь Биюэ сам хотел бы поставить на своего противника.

К этому моменту Трещотка уже пришел в себя, распахнул свой веер и взмахнул им.

— Неважно, важно, моя ставка была не слишком большой, просто капля в море...

Он боялся расстроить своего старшего брата-ученика, поэтому не посмел сказать, сколько он поставил на самом деле.

Ло Минчуань, который все это время молчал, внезапно заговорил, и в его словах содержалась чудесная сила, которая была способна умиротворять сердца людей.

— Не торопитесь, всегда найдется способ. В победе младшего брата-ученика нет ничего невозможного.

Инь Биюэ показалось, словно его лица коснулось дуновение весеннего ветерка. Он сразу же успокоился.

— Верно. Несмотря ни на что, я приложу все свои усилия.

Людам на берегу озера Цю было неизвестно, что в резиденции Утун секты меча Цинлу тот же самый вопрос задал Чэн Тяньюй.

— Старший брат-ученик, каковы твои шансы на победу?

— Шесть из десяти, — ответил Чжун Шань.

— Старший брат-ученик слишком скромно. Мне кажется, не меньше восьми из десяти! — рассмеялся Чэн Тяньюй.

Чжун Шань покачал головой.

— Нет, именно шесть из десяти.

На лице Чэн Тяньюя застыло недоверие.

Сун Тан потрепал его по голове и улыбнулся.

— Сколько твой старший брат-ученик сказал, столько и есть. Почему бы тебе не пойти потренироваться с мечом?

Этот бой застал всех врасплох.

Не только Инь Биюэ, остальные тоже не ожидали, что этот день наступит так рано.

Как только разошлась новость, множество людей поспешили в город Е, чтобы понаблюдать за поединком.

Пока Южный континент лихорадило от этого известия, Сун Тан наконец-то получил письмо с информацией, которую он запросил с Центрального континента. Там содержались копии всех сочинений, которые Инь Биюэ написал за время своего трехлетнего пребывания в академии Ланьюань.

— Ничего не поделаешь, с тех пор как он вступил в секту Цанья, о нем почти ничего неизвестно.

Чжун Шань пролистал несколько тонких листов бумаги.

— Этого достаточно.

В это самое время Инь Биюэ изучал доклад, который ему передал Дуань Чунсюань.

Он состоял из больших и маленьких листов бумаги. Некоторые из них были исписаны красивым почерком, а другие исчерканы каракулями. Там были перечислены различные дела, которыми Чжун Шань занимался до того, как вступил в секту меча Цинлу, а также некоторая информация о его техниках и приемах владения мечом. Данные были разрозненными и во многом бесполезными, но Инь Биюэ все равно изучил их со всей серьезностью.

Трещотка немного смущенно добавил:

— Это все, что удалось найти.

Но это и так превзошло все ожидания Инь Биюэ. Он даже не представлял, что Трещотка так хорош в сборе информации.

— И так получилось очень хорошо.

От полудня до глубокой ночи Инь Биюэ неподвижно стоял у окна и размышлял. Перед его закрытыми глазами мелькали бесчисленные сцены. Казалось, он переживает первые шестнадцать лет жизни Чжун Шаня.

Юноша прославился своей одержимостью мечом, а также склонностью к одиночеству и целеустремленностью.

После того как он присоединился к секте меча Цинлу, картина стала менее ясной.

Техника меча Ветра и дождя была хорошо известной, она вовсе не считалась секретной. В секте меча Цинлу ее практиковали по крайней мере сорок учеников разного уровня. В библиотеке академии Ланьюань о ней тоже хранились кое-какие записи.

Но существовал только один истинный меч Ветра и дождя.

Этот меч принадлежал Святому, который жил в эпоху Святых миллион лет тому назад. После этого он был поврежден во времена Демонических войн и попал в секту меча Цинлу. Спустя десять лет ценой невероятных усилий удалось восстановить семьдесят процентов его мощи.

Когда Чжун Шаню исполнилось восемнадцать, он отрабатывал приемы техники меча Ветра и дождя на горе Цинлу. В конце концов мудрец Чжоу Юань Дао оценил его навыки и передал меч ему.

Чжун Шань оправдал возложенные на него ожидания. К тому времени, как ему исполнилось двадцать, он уже познал истинный смысл техники Ветра и дождя. Его прозвали гением Южного континента. Все ожидали, что в следующие триста лет он непременно перейдет на ступень Святого.

Множество беспорядочных фрагментов информации собирались и соединялись в голове Инь Биюэ, пока он не почувствовал, что стал немного ближе к Чжун Шаню.

Спустя долгое время он открыл глаза и с облегчением вздохнул. С такой подготовкой он был уверен, что его шансы повысились до пятидесяти процентов!

Переполненный радостью, он открыл дверь и вышел во двор. Затем он глубоко вздохнул, чтобы

усмирить свое волнение.

Подняв голову, он заметил, что в комнате Ло Минчуаня все еще горел свет. Сквозь бумажное окно виднелся размытый темный силуэт.

Старший брат-ученик все еще не лег спать? Кажется, он сейчас что-то пишет.

Если бы это была любая другая ночь, Инь Биюэ ничего не стал бы предпринимать.

Но сегодня ночью он был так счастлив, что стал дерзким и забыл о хороших манерах. Он до такой степени забылся, что постучал в окно Ло Минчуаня. Сдерживая свое волнение, он тихо окликнул его:

— Старший брат-ученик, ты тоже не спишь?

В ответ послышался шорох бумаги, а затем окно открыли изнутри.

Ло Минчуань на самом деле сидел за столом и что-то писал.

— Младший брат-ученик, ночью на улице холодно. Зачем ты вышел во двор?

Он встал и открыл дверь, приглашая Инь Биюэ внутрь. И действительно, ночью температура тела его младшего брата-ученика понизилась еще больше.

Инь Биюэ вошел в комнату. Подсознательно почувствовав, что заходить слишком далеко будет неуместно, он остановился у письменного стола.

— Старший брат-ученик, я хочу поделиться с тобой хорошей новостью!

Ло Минчуань много лет строго следовал этикету и никогда прежде не находился с кем-то в одной комнате так поздно ночью.

В библиотеке академии кроме них присутствовали другие люди. Когда они пили на крыше, то, по крайней мере, находились снаружи...

Дав волю своему воображению, он почувствовал, что по сравнению с младшим братом-учеником сам он оказался не слишком порядочным. Испытывая внутреннее волнение, он, не задумываясь, спросил:

— Что за новость?

Инь Биюэ хотел сказать, что теперь он уверен, что вероятность его победы над Чжун Шанем повысилась до пятидесяти процентов. Но в следующее мгновение его взгляд упал на лежащее на столе письмо, и у него пропал голос.

Ло Минчуань только сейчас осознал, что именно он писал. У него упало сердце, но было уже поздно.

Инь Биюэ посмотрел ему в глаза и спросил:

— Старший брат-ученик, что это?

На столе лежало письмо — официальный вызов на поединок.

Написанное от имени Ло Минчуаня, оно было адресовано Чжун Шаню. Время было назначено за день до сражения с Инь Биюэ.

Текст письма был составлен чрезвычайно вызывающе. Любой взглянувший на него человек разозлился бы настолько сильно, что не смог бы удержаться от желания довести дело до конца.

Инь Биюэ практически мгновенно понял план Ло Минчуаня.

Он хотел вызвать Чжун Шаня на поединок перед его боем с Инь Биюэ. Если удастся, то победить его, а если не удастся, то постараться как можно больше истощить своего противника.

Если о таком способе улаживать дела станет широко известно, это навлечет немало критики.

Даже если не учитывать мнение других людей, в этом вопросе Ло Минчуань нарушил свои принципы, которым всегда безоглядно следовал. Это был очень низкий поступок, недостойный благородного человека.

Ло Минчуань понимал, что объяснять что-то уже слишком поздно. Он натянуто улыбнулся и промолчал.

Инь Биюэ порвал письмо и на какое-то время серьезно задумался.

— Старший брат-ученик, я знаю, что ты хотел сделать это ради меня... но тебе не следует заходить настолько далеко...

Инь Биюэ знал, что Ло Минчуаню потребовалось немало усилий, чтобы придумать такой способ, да еще и составить то письмо с резкими словами, но он все равно сказал:

— Я хочу попробовать сделать это сам.

<http://bllate.org/book/12466/1109388>